

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Н.И. Базаров

Истинное значение и подлинный
смысл религии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1878. № 11-12. С. 563-578.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Истинное значеніе и подлинный смысл религіи.

Религія—слово иностранное, употребляющееся издавна во всѣхъ европейскихъ языкахъ романскаго происхожденія. Ни въ греческомъ, ни въ русскомъ народномъ нарѣчій этого слова не существуетъ. Въ нашъ богословско-литературный языкъ слово *религія* перешло сперва отъ схоластиковъ, писавшихъ свои богословскіе трактаты исключительно на латинскомъ языкѣ, а потомъ изъ западной богословской литературы, гдѣ, какъ сказано, это слово давно, по крайней мѣрѣ со времени Лютера, приобрѣло себѣ право гражданства. Первоначальное употребленіе этого слова встрѣчается у Цицерона. Въ своемъ трактатѣ „О природѣ боговъ“ онъ даетъ точное опредѣленіе слова *religio* сообразно съ понятіями своего времени. Изъ его словъ ¹⁾ видно, что подъ именемъ религіи въ его время понимали извѣстный страхъ предъ чѣмъ-то таинственнымъ, божественнымъ, такъ какъ онъ это слово производитъ отъ глагола *relegere*, что значитъ *отлагать въ сторону*, откладывать на особое употребленіе, или *отбирать* отъ обыкновенныхъ вещей. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ онъ прямо объясняетъ, что религія есть богопочитаніе, *сагеротіа*,—то, что на современныхъ языкахъ называется культомъ. Для выраженія внутренняго благочестія и римляне имѣли слово *pietas*. Религія же оставалась всегда выраженіемъ культа или внѣшняго обрядоваго богопочитанія. Въ этомъ смыслѣ это слово употребляется и въ эдиктахъ римскихъ императоровъ, которыми запрещались *novae religiones*. Самое христіанство получаетъ въ устахъ римскихъ гонителей названіе

¹⁾ Cicero. De natura deorum. II, 24.

²⁾ De Inventione II, 35.

religio christiana также въ смыслѣ новаго, еще не бывалаго образа богопочитанія, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Мюллеръ ¹⁾, только внѣшнее богопочитаніе и могло подвергнуться преслѣдованію и гоненію.

Принимая во вниманіе религіозное міросозерцаніе древнихъ, мы и не можемъ искать въ понятіяхъ тогдашняго времени объ отношеніяхъ человѣка къ божеству чего-либо болѣе положительнаго, кромѣ извѣстнаго страха или благоговѣнія предъ чѣмъ-то высшимъ, непостижимымъ и недоступнымъ. Замѣчательно, что и на греческомъ языкѣ первоначальное понятіе объ этихъ отношеніяхъ выражалось словами: θεοσεβία, εὐσεβεια,—что, происходя отъ слова σεβος, также означаетъ страхъ или боязнь чего-то недоступнаго, но присущаго. Страхъ этотъ очевидно обнималъ все человѣчество со времени отверженія первыхъ представителей его отъ лица Божія. Самый Ветхій Заветъ проникнутъ съ одной стороны угрозами и карами Иеговы, а съ другой—страхомъ и трепетомъ предъ грозными проявленіями божества ²⁾. Христіанство вдругъ измѣнило представленіе человѣка о божествѣ и объ отношеніяхъ его къ Богу. Мѣсто страха заступила любовь, и Иегова, прежде страшный каратель неправды человѣка, является теперь отцомъ любящимъ и милующимъ его.

Интересно прослѣдить, какимъ образомъ выработалось такое понятіе въ средѣ новаго племени сыновъ Божіихъ и какъ самое понятіе этихъ новыхъ отношеній человѣка къ Богу уложилось въ унаслѣдованныя отъ предковъ выраженія. Поэтому взглянемъ напередъ на филологическое образованіе главнаго понятія объ отношеніи человѣка къ Богу, и за тѣмъ опредѣлимъ подлинный смыслъ и значеніе христіанства, какъ религіи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова.

I.

Первыя минуты жизни христіанства были всецѣло поглощены сознаніемъ внутренняго блаженства въ союзѣ души съ Богомъ, въ при-

¹⁾ Müller. Über Bildung und Gebrauch des Wortes Religio. Theol. Studien and Kritiken. 1835.

²⁾ Иса. VI, 5.

мирении вѣковой вражды между человѣкомъ и Богомъ чрезъ Христа. Человѣкъ, какъ-бы выведенный вдругъ изъ темнаго лѣса, гдѣ онъ долго блуждалъ во тьмѣ, ничего не хотѣлъ знать, кромѣ своей полной, безотчетной вѣры въ Избавителя. Чувство безпредѣльной признательности за свое спасеніе выражалось въ немъ однимъ только понятіемъ—благочестія. Въ этихъ двухъ терминахъ—вѣра и благочестіе—заключался для него весь смыслъ его внутренней жизни. Слушая новую благую вѣсть спасенія, онъ горѣлъ любовію сердца къ лицу Виновника евангелія, и вся его душа погружалась въ блаженство всеобъемлющей вѣры въ небесное откровеніе. Поэтому, перелистывая книги Новаго Завѣта, мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ словами: *вѣра, благочестіе, страхъ Божій*, которыя, какъ маяки, освѣщаютъ новому человѣку пути жизни и спасенія. Собственного понятія о христіанствѣ, какъ религіи, какъ о новомъ и истинномъ отношеніи человѣка къ Богу, сравнительно съ другими, бывшими или современными понятіями о томъ-же предметѣ, въ Священномъ писаніи мы не находимъ. Нужно было новымъ сынамъ Божиимъ, усыновленнымъ Богу во Христѣ, войти въ столкновеніе съ противниками новой истины, чтобы уяснить и опредѣлить свое положеніе по отношенію къ своимъ врагамъ и разномыслящимъ съ ними. Наступаетъ періодъ апологіи или, выражаясь любимымъ словомъ современной философіи, борьбы христіанства за существованіе. Первый, хотя и безумный но тѣмъ не менѣе важный для христіанъ, упрекъ состоялъ въ обвиненіи ихъ со стороны язычниковъ въ безбожіи. Въ этой укоризнѣ лежалъ, можно сказать, весь вопросъ существованія религіи вообще и религіи христіанской въ особенности. Вопросъ былъ коренной, вопросъ о принципахъ. Что такое Богъ, что—богопочитаніе, что—религія? Исходя изъ принципа поклоненія богамъ, язычники дѣйствительно были въ правѣ упрекать христіанъ въ безбожіи. Человѣкъ не духъ только, но и плоть; поэтому и представленія его о божествѣ выражались въ осязательныхъ образахъ, въ идолахъ. А тутъ вдругъ является секта людей, не только отвергающихъ этихъ идоловъ, но и не поставляющихъ на мѣсто ихъ ничего другаго. И вотъ первые защитники христіанства пишутъ цѣлыя апологіи въ уясненіе новой откровенной идеи о Богѣ-духѣ, служеніе которому должно совершаться въ

духъ и истинѣ. Въ этомъ спорѣ нѣтъ еще и рѣчи о религіи, какъ совокупности отношеній человѣка къ Богу. Только впоследствии, въ концѣ III-го и началѣ IV-го вѣка, когда христіанство изъ самозащиты переходитъ въ наступленіе противъ враговъ своихъ, начинаютъ появляться попытки опредѣлить самый смыслъ латинскаго слова *religio* и тѣмъ въ самомъ корнѣ подорвать обидную кличку *irreligiosi*, которую язычники привыкли бросать въ глаза христіанамъ. „Что такое ваша *религія*?“ говорятъ защитники христіанства своимъ врагамъ язычникамъ. „По вашему это только страхъ чего-то, который одинъ только васъ и привязываетъ (*religat*) къ вашимъ богамъ и вмѣстѣ *связываетъ* вашъ умъ невѣжествомъ“¹⁾. „Ваша *религія*“, говоритъ другой апологетъ, „нагоняетъ на васъ одинъ только страхъ, который васъ *связываетъ* (*religatos tenet*) по рукамъ и по ногамъ“²⁾.

Перешедши въ наступленіе, борцы христіанства мало по малу выбиваютъ своего врага совсѣмъ изъ позиціи и удерживаютъ за собою поле сраженія. Такъ Лактанцій поражаетъ самого Цицерона, говоря, что по языческимъ понятіямъ слово *religio* только и могло имѣть свой этимологическій корень въ глаголѣ *relegere*, т. е. откладывать въ сторону что-то непонятное или странное для человѣческаго ума, между тѣмъ какъ настоящее, истинное и полное смысла словопроизводство этого понятія должно исходить отъ глагола *religere* — связывать или воссоединять, совершенно соотвѣтственно христіанскому воззрѣнію на сущность отношеній человѣка къ Богу. „Будучи связаны съ Богомъ (*Deo religati*) этимъ союзомъ благочестія, мы находимся въ соединеніи съ Богомъ; отчего получила и свое названіе *религія*“³⁾. Отвоевавши такимъ образомъ у язычниковъ самое имя религіи исключительно для христіанства, послѣдующіе церковные писатели, какъ напр. Минуцій Феликсъ, называютъ язычество *суперпріемъ* (*superstitio*) въ отличіе отъ христіанства, которое есть *рели-*

¹⁾ Servius: Religio, id est, metus, ab eo, quod mentem religit, dicta religio.

²⁾ Desiderius Heroldus: Religio saepissime est horror, qui obeitus nobis ab aliquo signo coerces nos et quasi religatos tenet.

³⁾ Instit. IV, 28.

гя. Между тѣмъ какъ прежде въ эдиктахъ императоровъ, гонителей христіанства, говорилось объ новыхъ религіяхъ (*novae religiones*), въ концѣ IV вѣка уже избѣгаютъ самаго названія религіи въ приложеніи къ язычеству. Такъ въ одномъ изъ полемическихъ стихотвореній, относящихся къ этому времени, языческой культъ прямо называется служеніемъ идоламъ ¹⁾).

Послѣ полной побѣды надъ язычествомъ христіанство начинаетъ приходить въ самосознаніе сущности своего внутреннего содержанія, и потому понятіе религіи перестаетъ быть предметомъ полемики, каковымъ оно было въ періодъ апологій. Теперь религія разсматривается уже не какъ только культъ, соединяющій чловѣка съ божествомъ, но какъ спасеніе чловѣка отъ грѣха и гибели. Христіанство—это вѣра и надежда сердца ²⁾). Средоточіемъ этого новаго состоянія возрожденнаго чловѣчества становится Христось, посредникъ между Богомъ и чловѣкомъ, Онъ же есть и основной камень новаго зданія церкви. Такъ Кипріянь въ обращеніи къ Донату говоритъ о религіи, какъ о возрожденіи посредствомъ крещенія, а въ посланіи къ Деметріану (сар. 18) характеризуетъ христіанство названіемъ *отры*. Арнобій ³⁾ въ одной христіанской религіи находитъ спасеніе души и надежду безсмертія. Августинъ ⁴⁾ называетъ Христа единымъ ходатаемъ передъ Богомъ за падшее чловѣчество, а потому христіанская религія является именно тѣмъ вѣрнымъ путемъ къ освобожденію души, котораго такъ долго искали платоніки и другіе философы. Поэтому христіанство есть единая истинная религія; она одна ведетъ насъ къ истинѣ и блаженству ⁵⁾, въ ней одной наше спасеніе ⁶⁾, такъ какъ она соединяетъ насъ съ Богомъ ⁷⁾, *возсоединяя* съ Нимъ оторванную отъ Него грѣхомъ душу; потому

¹⁾ Ad senatorem ex christiana religione ad idolorum servitium conversum. См. Revue archeol. Paris, 1868. Morel, Recherches sur un poëme latin du IV-me siècle.

²⁾ Cyprianus. Ad Demetrianum. c. 18.

³⁾ Arnobius. Adversus Nationes. L. II, c. 33.

⁴⁾ Civitas Dei. L. X. c. 32.

⁵⁾ De vera religione. L. I. c. 3.

⁶⁾ Ibid. c. 19.

⁷⁾ Ibid. c. 113.

христіанство и есть религія, что оно есть *примиреніе* (reconciliation) ¹⁾.

Такимъ образомъ въ сознаніи церкви, выразившемся въ лучшихъ ея представителяхъ того времени, понятіе религіи болѣе и болѣе принимало характеръ исключительно христіанскій, въ смыслѣ примиренія человѣка съ Богомъ чрезъ Христа. Это не было больше только союзъ между Богомъ и человѣкомъ, выражавшійся прежде въ различныхъ культахъ различнымъ образомъ. Это стало новою всеобъемлющею связью всего заблудившагося человѣчества съ своимъ Творцомъ. Средоточіемъ этихъ новыхъ отношеній, не бывалыхъ ни до ни послѣ паденія человѣка, сталъ Христосъ. Въ ветхомъ заветѣ Онъ былъ еще только обѣщаннымъ Мессіею; но усыновленіе человѣка Богу стало фактомъ только съ пришествіемъ Сына Божія на землю. Примиреніе, воссоединеніе человѣка съ Богомъ, совершилось только въ христіанствѣ, и потому оно стало религіею въ *собственномъ* смыслѣ этого слова.

Дальнѣйшаго развитія этаго правильнаго понятія о религіи въ послѣдующихъ вѣкахъ христіанства мы болѣе не встрѣчаемъ. Церковь, разъ установившая это понятіе, какъ будто перестаетъ болѣе интересоваться имъ. Скоро наступилъ новый тяжелый періодъ междуусобной брани церкви. Споры объ отдѣльныхъ догматахъ поглотили все вниманіе христіанъ. Мало по малу церковь, какъ заботливая Марѳа, изыскивавшая всевозможныя средства, *како угодитъ Господу*, стала забывать *едино на потребу* ко спасенію, и въ своихъ заботахъ объ умноженіи благочестія начала упускать изъ виду самую суть христіанства, его внутреннюю жизнь, его міровую идею. Наконецъ надъ западомъ разразился громъ реформаціи, который глухимъ раскатомъ отозвался и на востокѣ. Потрясенная этимъ погромомъ, церковь принялась снова просматривать свои лѣтописи и въ древнихъ кодексахъ своей исторіи отыскивать право своего существованія, оспариваемое теперь ея противниками съ евангеліемъ въ рукахъ. Является на сцену цѣлая фаланга христіанскихъ мыслителей, которые снова ищутъ идеи христіанства, но уже не въ историческомъ его значеніи, а въ отвлеченномъ. Сущность отноше-

¹⁾ De quant. animae. С. 18.

ній человѣка къ Богу снова опредѣляется, какъ во времена языческой философіи, исканіемъ истины и правды въ вѣчныхъ законахъ божественной природы. Кантъ, Фихте, Шлейермахеръ, наконецъ Гегель и Фейербахъ зафилософовали идею религіи до того, что о христіанствѣ, какъ историческомъ фактѣ, не было и помину. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ Христосъ былъ чуть ли не такой же философъ, какъ они сами. Во всякомъ случаѣ Ему приписывалась только роль великаго реформатора, не болѣе того. На основаніи такихъ воззрѣній религія сдѣлалась снова простою совокупностію отношеній человѣка къ Богу, что въ свою очередь повело къ мысли о существованіи такихъ же воззрѣній у людей далеко раньше явленія І. Христа на землѣ. И буддизмъ, какъ самое древнее проявленіе такихъ убѣжденій, и язычество, какъ опозитивизированіе этихъ же убѣжденій, наконецъ и іудейство и магометанство, какъ видоизмѣненія приложенія этихъ убѣжденій къ жизни, все это на устахъ новыхъ философовъ стало религіею. Чтобы быть послѣдовательными, они стали снова, какъ бывало во времена языческія, употреблять это слово, *единственное* по своему истинному значенію, во *множественной* формѣ, — стали говорить о *религіяхъ* христіанской, магометанской, языческой.

Въ эту-то эпоху учонаго религизированія перешло къ намъ въ нашу богословскую литературу это иноземное, чуждое русскому идіому обозначеніе разныхъ вѣроисповѣданій именемъ религіи. У насъ стали даже говорить: религія католическая, религія греческая, между тѣмъ какъ народъ съ своимъ здравымъ смысломъ не зналъ и не принималъ другаго названія для обозначенія различныхъ формъ богопочитанія, какъ *вѣра*: вѣра іудейская, вѣра армянская, вѣра протестантская, вѣра православная. И дѣйствительно вѣрить во что нибудь и исповѣдывать свою вѣру воленъ каждый по своему. Но это далеко не исчерпываетъ того, что нужно понимать подъ именемъ религіи, обнимающей всѣ отношенія человѣка къ Богу, — отношенія, сложившіяся путемъ историческаго бытія человѣка на землѣ. Запутанность въ понятіяхъ часто обусловливается случайными причинами, но она ведетъ всегда къ важнымъ послѣдствіямъ. Довольно было улетучиться глубокому содержанію понятія о религіи, чтобы

явилось широкое безсодержательное представление о какомъ-то отвлеченномъ отношеніи человѣка къ Богу, и вотъ готовъ уже деизмъ, за нимъ—раціонализмъ и наконецъ индифферентизмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ историческая личность І. Христа стала поворачиваться въ сознаніи философствующихъ богослововъ, идеализація основъ религіозной жизни человѣка приняла форму науки, и христіанство незамѣтнымъ образомъ очутилось въ положеніи теоріи, придуманной людьми или, какъ говорятъ ученые, выработанной въ-камп. Теперь для свободомыслящаго человѣка Будда, Моисей, Христосъ или Магометъ являются носителями общечеловѣческой идеи божества, кристаллизовавшими въ себѣ отраженіе различныхъ эпохъ развитія человѣчества. Въ этомъ смыслѣ религія у разныхъ народовъ въ разныя эпохи бываетъ различная и одною и быть не можетъ, такъ какъ дѣйствительно представленія объ отношеніи человѣка къ Богу, если только это и есть религія, мѣняются и совершенствуются по мѣрѣ развитія и по степени образованія человѣческаго ума. Такимъ мыслителямъ фактъ паденія человѣка, а слѣдовательно и возстановленія его чрезъ І. Христа, не только не извѣстенъ, но и не мыслимъ. Если религія есть вообще отношеніе человѣка къ Богу, то и паденіе и возстановленіе не есть отдѣльный историческій фактъ, а просто повторяющееся надъ каждымъ человѣкомъ явленіе, совершающееся во внутренности его индивидуальнаго сознанія. У насъ, слава Богу, еще не дошло до такого улетученія религіозной идеи, но тѣмъ не менѣе неясность понятія о религіи доходитъ уже до такой сбивчивости въ выраженіяхъ, что мы говоримъ и научно и догматически о религіи подзаконной, бакъ соразмѣримой съ религіею новозавѣтною, неговоря уже о томъ, что тогоже имени удостоиваютъ не только магометанство, но и язычество. Когда кто печатно скажетъ, что религія началась только послѣ паденія человѣка, догматисты сейчасъ же возразятъ: а до паденія въ рай развѣ и не было религіи? Въ отвѣтъ на это конечно можно бы спросить: но что вы разумѣете подъ именемъ религіи? Отношеніе ли человѣка къ Богу вообще или особый родъ богопочитанія? Если первое, то слово религія получаетъ такое широкое, ничѣмъ неограниченное значеніе, какое только можетъ при-

давать ему деизмъ; если же второе, то вы смѣшиваете культъ съ религіею, форму съ идеею.

Здѣсь вопросъ и споръ не изъ-за словъ только, не изъ-за этимологическаго значенія слова *религія*, которое значитъ *возсоедине- ніе* ¹⁾, но изъ-за существеннаго понятія о самомъ дѣлѣ, обозначае- момъ этимъ словомъ, о томъ великомъ историческомъ значеніи самаго факта, который далъ жизнь религіи. Поэтому перейдемъ къ уясненію этой задачи, которая должна установить настоящій, под- линный смыслъ религіи.

II.

Если подъ словомъ *религія* надо разумѣть вообще отношеніе человѣка къ Богу, то конечно религія современна появленію чело- вѣка на свѣтъ Божій. И дѣйствительно мы видимъ, что въ слѣдъ за актомъ творенія является и откровеніе Бога человѣку. Дого- воръ или завѣтъ, въ который вступаетъ Богъ съ человѣкомъ въ раю, опредѣляетъ и самыя отношенія твари къ Создателю. Смыслъ этихъ отношеній таковъ, что человѣкъ, хотя и сотворенный по образу и подобію Бога-Творца, слѣдовательно одаренный свободою неограниченною, но разумомъ только подобнымъ разуму божествен- ному, долженъ по самой природѣ своего сотворенія оставаться въ вѣчной зависимости отъ высшаго разума. Еслибы эти естествен- ныя отношенія человѣка къ Богу остались навсегда ненарушенными, вся религія человѣка ограничивалась бы постояннымъ, яснымъ со- знаніемъ нужды откровенія свыше для выясненія своего долга или, что тоже, для яснаго всегда представленія цѣлей бытія и правиль- наго избранія средствъ къ достиженію этихъ цѣлей. Въ этомъ нормальномъ состояніи человѣка немислима ни мораль въ смыслѣ свода нравственныхъ правилъ жизни, ни культъ въ видѣ различ-

¹⁾ Müller. Über Bildung und Gebrauch des Wortes Religio. Religio, von re- ligare abgeleitet, würde auf den Begriff einer Vereinigung, eines Bundes, einer Verbindlichkeit, führen, wie die anderen von Stamme lig abgeleiteten sub- stantiva: ligatura, ligamen, religatio. Das atenische r e drückt ein wiederholen wie z. B. recensere, reputare, repetere, recognoscere. U. Theol. Studien und Kritiken. 1835.

ныхъ формъ умилоствленія Бога за грѣхи. И то и другое, какъ регуляторъ неправильныхъ колебаній жизни, стали возможны и необходимы только тогда, когда естественный ходъ жизни подвергнулся извращенію и сдѣлался колеблющимся. Такимъ образомъ отношенія человѣка къ Богу до паденія нельзя называть религіею въ тѣсномъ смыслѣ слова. Возсоединеніе предполагаетъ само собою предшествовавшій разрывъ, разъединеніе. Положимъ, что появленіе свободно-разумнаго существа подлѣ Бога, также Существа свободы и разума, было какъ будто раздвоеніемъ Единаго. Въ актѣ творенія является новая личность предъ Лицомъ вѣчнымъ. Одухотворенный человѣкъ, вставъ отъ земли, сказалъ себѣ: это — *я*, и, обратившись лицомъ къ Богу, воззвалъ къ нему: это — *Ты*. Но, почувствовавъ себя отдѣльною личностію, недѣлимымъ *я*, человѣкъ однако долженъ былъ сознать и свою несамостоятельность, такъ какъ за минутою своего возникновенія къ бытію онъ не имѣлъ у себя прошлаго. Ему прежде всего было присуще сознаніе своего начала или конца, съ котораго началась нить его индивидуальнаго существованія. Противоположная ему личность Бога очевидно предшествовала его собственному бытію и слѣд. была причиною и началомъ его. Съ сознанія этой зависимости и начинается его внутреннее отношеніе къ Божеству, какъ источнику всякаго блага. Если бы человѣкъ, какъ твореніе, былъ только вѣтвію цѣлаго древа міра, имѣвшаго свой корень въ Богѣ, тогда его жизнь была бы самая покойная, жизнь естественнаго прозябанія. Живые соки, расходясь отъ корня по всему стволу всемірнаго древа, заходили бы и въ эту вѣтку, внося въ нее жизнь и радость существованія. Но человѣкъ самъ сознавалъ, что онъ не простое растеніе, прикрѣпленное къ почвѣ мірозданія, но отдѣльная самостоятельная личность. Онъ чувствовалъ въ себѣ свободу, этотъ образъ Божій, свободу не только мысли, но и дѣйствія, и при томъ съ отвѣтственностію за послѣдствія передъ своимъ внутреннимъ сознаніемъ или совѣстію. Разъ поставленный въ такое положеніе, человѣкъ могъ бы стать самоопредѣляющимъ началомъ своей жизни, еслибы рядомъ съ этою неограниченною свободою самоопредѣленія ему данъ былъ и неограниченный кругозоръ вѣдѣнія. Но для этого

ему не доставало неограниченнаго, равнаго божескому, разума. Увѣриться въ этомъ ему было не трудно съ самаго начала его внутренней жизни. Въ самый первый моментъ разумнiя и самосознанiя ему было совсѣмъ темно то, что было прежде него, и ничего не видно въ дали, что могло быть въ слѣдъ за настоящею минутою его бытiя.

Что же касается возможности ограниченiя свободы въ его проявленiяхъ, то это еще не нарушаетъ сущности свободы, которая и не заключаетъ въ себѣ понятiя всемогущества, этой божеской силы приводить въ дѣйствiе опредѣленiя свободы. Для этого нужны средства и умѣнье, а для того и другаго требуется разумъ безпредѣльный, который не былъ данъ человѣку, да и не могъ быть данъ по самой природѣ. Здѣсь-то и лежитъ ключъ къ открытiю тайны какъ паденiя человѣка, такъ и послѣдовавшаго затѣмъ возстановленiя его.

Основываясь на природѣ человѣка, созданнаго по образу и по подобiю Божиимъ, мы можемъ опредѣлить и первобытныя отношенiя его къ Богу, Творцу своему. Первое и главное звѣно, связывавшее это свободно-разумное существо съ первоисточникомъ всякаго бытiя, составляло внутреннее самосознанiе человѣка, самоопредѣленiе его личности, какъ единицы, существующей внѣ Бога. Духъ, которымъ было одухотворено это животное, былъ духъ божественный, по природѣ тождественный съ духомъ Божиимъ. Такъ какъ этотъ духъ абсолютный былъ образомъ духа человѣческаго, то послѣднiй долженъ былъ по самой сущности своей стремиться къ Богу, какъ къ своему источнику, и въ немъ искать, такъ сказать, своего восполненiя. Мiръ видимый въ глазахъ перваго человѣка былъ только обстановкою прирожденной ему и жившей въ немъ идеи Божества. Всѣ стремленiя его должны были направляться къ достиженiю этого идеала его собственнаго бытiя, къ сближенiю съ нимъ, къ усовершенствованiю себя до уподобленiя Богу. На пути къ этой цѣли человѣкъ не могъ не видѣть препятствiя прежде всего въ самомъ себѣ, въ ограниченности своего разума, въ матеріальности внѣшней оболочки своего духа. Свобода его воли неудержимо влекла его къ этой цѣли; но на вопросъ, какъ дойти

до нея, онъ не находилъ отвѣта внутри себя. Разумъ его былъ слишкомъ ограниченъ для того, чтобы указать прямой путь на небо. Въ силу подобія своего разуму божественному, его разумъ могъ только логически довести человѣка до сознанія зависимости отъ высшаго авторитета и путемъ умозаключеній убѣдить его въ неизбѣжной необходимости принятія на вѣру откровенія свыше. Пребывая въ этомъ состояннн вѣры и довѣрія, человѣкъ могъ сознавать и благо своего бытiя и все блаженство жизни въ окружавшей его обстановкѣ въ раю. Чувство это, исходившее изъ глубины сознанiя своего безсилiя предъ Высшимъ существомъ, должно было исполнять его душу благоговѣнiемъ и любовью къ Творцу своему. Въ безмятежной райской жизни ему еще неизвѣстны были ни нужда примиренiя съ Богомъ молитвою и жертвами, ни смиренное приклоненiе къ себѣ Божества путемъ покаянiя. Богъ бесѣдовалъ съ Адамомъ въ раю; какъ добрый хозяинъ въ дому своемъ, по изображенiю бытописца, ходитъ Богъ по райскому саду и ищетъ своего сына, теперь уже спрятавшагося отъ Него въ кустахъ. До минуты паденiя въ человѣкѣ не могло быть страха по отношенiю къ Богу, хотя и творцу его и существу, по природѣ своей безконечно высшему.

Такимъ образомъ отношенiя человѣка къ Богу въ раю не имѣли въ себѣ и тѣни того, что мы теперь привыкли соединять съ понятiемъ религiи, какъ богопочтенiя вообще и еще болѣе какъ домо-строительства спасенiя человѣческаго. Эти отношенiя были непосредственныя. Они были естественны какъ сама природа, очевидны какъ свѣтъ Божiй.

Такимъ образомъ нельзя говорить о религiозномъ состояннн человѣка въ раю, не измѣняя совершенно смысла религiи по понятiю объ ней современнаго намъ христіанства. Чтобы яснѣе понять это, взглянемъ на самый актъ паденiя человѣка и на тѣ послѣдствiя, которыя вызвали собою необходимость религiи, какъ связи или, точнѣе, какъ воссоединенiя человѣка съ Богомъ.

Паденiе человѣка въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ книгѣ Бытiя, совершенно понятно. Ничего не было легче существовать, сотворенному по образу Божiю, какъ возжелать самому быть богомъ.

Это было такъ близко къ его природѣ, къ этому такъ направлены были стремленія его духа, что самъ Возстановитель падшей природы человѣка возстановилъ и этотъ идеаль нравственнаго стремленія возрожденнаго, сказавъ: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ*. Въ то время эта соблазнительная мысль была злонамѣренно подсказана человѣку существомъ высшимъ его по природѣ, которое раньше и скорѣе его впало въ ту же ошибку. Можно сказать навѣрное, что чѣмъ ближе стоитъ извѣстное существо къ Богу, тѣмъ сильнѣе должно быть въ немъ влеченіе къ уподобленію Богу. А если такъ, то въ чомъ состояла вина паденія какъ человѣка, такъ и его соблазнителя? Вина была въ несообразнѣніи силъ своихъ съ достиженіемъ недостижимой цѣли. Положимъ, что первому человѣку въ раю, а еще болѣе ангелу свѣтоносному, Божество было близко и по своему откровенію и по относительной непосредственности общенія. Тѣмъ не менѣе способъ уподобленія Богу, а еще болѣе равенства съ Богомъ, былъ неопостижимъ какъ для того, такъ и для другаго по ограниченности разумнѣнія, которое у обоихъ было только *по подобію* божественнаго разума. И человѣкъ и его соблазнитель увлеклись идеаломъ божества, направляемые къ тому положеннымъ въ ихъ природу образомъ Божиимъ, забывъ въ данную минуту, что свобода ихъ безсильна совершить подобный актъ равенства съ Богомъ. Какъ Богу по тѣмъ же вѣчнымъ законамъ бытія невозможно было сотворить другаго Бога рядомъ съ собою, такъ безумно было со стороны сотвореннаго существа вообразить себѣ возможность сравняться съ Творцомъ своимъ. Мы погрѣшили бы, сказавъ, что и свѣтоносный ангелъ и первый человѣкъ увлеклись этою безумною мыслию въ припадкѣ упомянутаго. Нѣтъ: какъ у одного, такъ вѣроятно и у другаго, въ эту роковую минуту работала мысль, и только посредствующіе члены этаго умозаключенія были ложны, а выводъ изъ нихъ былъ правиленъ. Богъ сказалъ: не старайтесь познавать сущности вещей,—этого разумнѣія добра и зла вамъ не дано,—иначе вы погибнете. На основаніи этого возникла мысль, что сущность вещей извѣстна только Богу, и затѣмъ — другая: *слѣдовательно*, еслибы достигнуть до того, чтобы узнать эту сущность и

уразумѣть добро, то можно самому стать богомъ. Но какъ во всякомъ заблужденіи упускается изъ виду одинъ изъ главныхъ членовъ силлогизма, такъ и здѣсь въ данную минуту забыто было, что существу ограниченному знаніе чего-бы то ни было возможно только чрезъ сравненіе, наведеніе и заключеніе. Познать добро для человѣка значило познать и зло, а зло есть отрицаніе добра, слѣдовательно въ самомъ покушеніи на это лежало логическое противорѣчіе. Но человѣкъ внялъ чужому голосу соблазна, не провѣривъ напередъ внушонной ему мысли зрѣлымъ размышленіемъ, и палъ.

Но что такое—*палъ*? Нужно опять вспомнить, что человѣкъ былъ сотворенъ по образу Божію, т. е. съ свободою неограниченною, и по подобію Божію, т. е. съ разумомъ ограниченнымъ. Этимъ послѣднимъ онъ и былъ привязанъ къ Богу, Творцу своему. Теперь эта-та связь вдругъ и порывается. Человѣкъ согрѣшилъ прежде всего въ умѣ, и затѣмъ уже протянулъ руку на преступленіе. Волю человѣка Богъ не связывалъ. Онъ и до сихъ поръ оставляетъ ее свободною. Но разумъ его весь былъ и есть въ зависимости отъ творческаго разума, который долженъ просвѣтлять его и такимъ образомъ руководить его свободу въ ея дѣйствіяхъ. Когда именно эта-то натуральная связь твари съ своимъ Творцомъ была порвана свободнымъ актомъ сотвореннаго существа, нѣтъ болѣе общенія между этими двумя личностями. Человѣкъ погибъ бы навсегда, какъ погибъ его предшественникъ по грѣху, его соблазнитель. Нуженъ былъ особый актъ творческой премудрости, чтобы спасти это разумное твореніе отъ гибели. Нужно было снова связать порванную нить, соединявшую свободное существо съ его Творцомъ, и тѣмъ возвратить ему потерянное блаженство. И вотъ является *религія*, это премудрое и любвеобильное домостроительство спасенія человѣка.

Въ чомъ состояла эта религія? Человѣкъ не призналъ зависимости своего ограниченаго разума отъ безпредѣльнаго ума божескаго; вслѣдствіе чего сознаніе человѣка, сперва свѣтлое въ силу сообщавшагося ему съ первой минуты его бытія откровенія, потемнѣло, силлогизмъ ума его перепутался, и онъ оставленъ былъ на время въ этомъ печальномъ состояніи съ тѣмъ, чтобы по прошествіи этого времени путемъ долгаго и горькаго опыта онъ могъ

убѣдиться въ несостоятельности его природы, внѣ откровенія божественнаго. Чтобы помочь этому безъ того безпомощному состоянію, не довольно было одного только временнаго откровенія, въ которомъ Богъ не отказывалъ человѣку и въ теченіи искуса, который называется періодомъ подзаконнымъ; нужно было преестественное общеніе съ разумомъ Божиимъ, съ ипостаснымъ Словомъ (λόγος), которое ему было обѣщано тотчасъ по паденіи. Стеречь главу искушителя—значило, по отношенію къ человѣку, заставить послѣдняго искренно и добровольно, слѣд. новымъ актомъ свободной воли отказаться отъ внушеннаго ему нѣкогда покушенія имѣть самостоятельное познаніе добра и зла, или, что тоже, быть самому себѣ богомъ. Безъ этого условія примиреніе между такими особями, какъ свободно разумное существо и безпредѣльный разумъ, было невозможно. Первый и необходимый актъ этого возсоединенія состоялъ въ добровольномъ со стороны человѣка преклоненіи ума своего предъ разумомъ божественнымъ—въ вѣрѣ въ откровеніе. „Если кто вѣруетъ и крестится, *тотъ* спасенъ будетъ.“ Мы не говоримъ здѣсь о всемъ объемѣ великаго дѣла спасенія человѣка, не говоримъ ни о примирительной жертвѣ на крестѣ, ни о благодати Св. Духа, сообщаемой вѣрующему въ таинствахъ христіанскихъ. Все это подтверждаетъ одну и ту же истину, что христіанство есть *единственная религія*, достойно носящая это имя. На этомъ основаніи нельзя совѣсти давать того же названія не только магометанству или буддизму, но даже іудейству. Богопочтеніе ветхозавѣтное можно называть религіею развѣ только въ томъ отношеніи, что оно все исполнено надежды на предстоящее примиреніе Бога съ человѣкомъ чрезъ Мессію, слѣдовательно только религіею надежды. Говорить же о религіи въ раю до паденія было бы равносильно тому, какъ еслибы кто хотѣлъ опредѣлить религію будущаго вѣка по воскресеніи изъ мертвыхъ.

Возстановляя въ сознаніи людей истинный смыслъ и значеніе слова *религія*, мы спасаемъ истину того, что единая религія есть только христіанская. Всѣ прочія понятія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу не должны имѣть даже права на это имя; и потому не только названіе религіи языческой, магометанской или буддистской должно

быть изгнано изъ языка богословскаго, но даже и въ приложеніи къ состоянію человѣка до паденія, какъ и къ его отношенію къ Богу по воскресеніи въ жизнь вѣчную, должно быть замѣнено особыми выраженіями, чтобы чрезъ смѣшеніе названій не спутывать въ сознаніи людей самаго понятія о религіи въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Прот. Ваза́ровъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки